

преступных интересов через органы государственной власти. Иными словами, государство рискует стать представителем интересов криминальных структур¹. Применение отдельных аспектов этой концепции можно найти в российском уголовном законодательстве – заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрение уголовного дела в особом порядке, освобождение от уголовной ответственности при добровольной сдаче наркотиков.

Концепция легализации предусматривает декриминализацию производства, хранения и распространения наркотиков, обосновывая это тем, что привлечение лица к уголовной ответственности способствует не исправлению осужденного, а его отчуждению от общества. М.Ш. Шакиров на основе негативного опыта легализации наркотиков в Амстердаме выделил основные недостатки этой концепции. Наркотики получили более широкое распространение. Наркозависимые стали переходить к употреблению более сильных наркотиков, так

как потребление легких наркотиков не дает необходимого эффекта. Любой наркотик при употреблении влечет причинение вреда здоровью². С учетом вышеуказанных существенных недостатков концепция легализации преступного поведения не нашла своего воплощения в Российской Федерации.

Подводя итог анализу вышеуказанных концепций и их реализации в России, можно сказать, что на практике сложилась многофакторная (альтернативная) модель противодействия преступности³. Данная модель противодействия наркопреступности исходит из того, что преступность в принципе неискоренима и основной задачей является контроль за ее состоянием, удержание преступности в предельно допустимых, безопасных в целом для общества и государства параметрах. Для достижения этой задачи Российская Федерация использует лучшие идеи всех концепций противодействия преступности.

Иванов А.Г.

Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРАКТИКА ОЦЕНКИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЕМ

Уголовная ответственность, как известно, является самым суровым видом юридической ответственности, и ключевым принципом ее установления является принцип вины, который не допускает привлечения лица к уголовной ответственности без установления вины. В структуре субъективных признаков преступления вина выступает в качестве основного, и ее установление, хотя и представляет определенные сложности, но является обязательным. А оценка степени вины прямым образом влияет на меру наказания.

В Уголовном кодексе РФ, к сожалению, отсутствует законодательное определение указанной категории, но, исходя из ее форм,

можно сказать, что вина представляет собой отношение лица, совершившего преступные деяния к общественной опасности этого деяния и наступлению общественно опасных последствий, а также желания их наступления. Но в контексте рассматриваемого вопроса нас интересует только интеллектуальный компонент вины.

Именно в рамках установления отношения лица, совершившего преступные деяния, к общественной опасности немаловажную роль, как представляется, играет социальный элемент.

Для понимания сущности социального элемента необходимо некоторое отступление. Неоспоримо, что в обществе любой

¹ Клейменов М.П. Идеология воздействия на преступность // Научный вестник Омского юридического института МВД России. 1998. № 1(7) С. 7.

² Шакиров М.Ш. Наркобизнес в России. Многоликая наркомафия расширяет преступную деятельность в России. М.: Центрполиграф, 1998. С. 137-140.

³ Мальков С.М. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: характеристика и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1(42) С. 52.

факт имеет социальное значение, которое нередко определяется обстоятельствами, находящимися вне его, и меняется в зависимости от этих обстоятельств. Один и тот же факт при разных обстоятельствах может быть как общественно полезным, так и общественно опасным. Так, в ситуации, когда лицо причиняет смерть потерпевшему, к примеру в силу личных неприязненных отношений, необходимо говорить о совершенном преступлении (убийстве). А в ситуации, когда лицо причиняет смерть террористу, захвачившему заложников, о совершении убийства вряд ли можно утверждать. Хотя совершенные факты по объективной стороне идентичны, но социальный элемент абсолютно разный.

Далее, следует признать, что, во-первых, любое действие (за исключением рефлексорного и при болезненном состоянии психики) не обходится без участия сознания, разума и субъективной реальности. Во-вторых, любое лицо, находясь в социуме, дает социальную оценку своих действий.

В работах, посвященных исследованию сознания и мозга Ю.И. Александров, говоря об оценке индивидом своего поведения, обращает внимание на то, что каждый наш результат оценивается с позиции того, хорошо ли это для достижения коллективного результата¹.

Особенно ярко социальная оценка совершаемых действий выражена при совершении действий, выходящих за рамки обычных.

Благодаря процессу социализации в субъективном опыте происходит отражение нравственных канонов, обозначенных границами категорий «добро» и «зло», «дозволено» и «запрещено», «хорошо» и «плохо». И именно этот сегмент субъективного опыта позволяет лицу при совершении действия проводить его оценку с позиции полезности, нейтральности или вредности для общества или, лучше сказать, для социума, сферой которого окружен субъект.

Как было отмечено еще в прошлом столетии, особенность фактических элементов

состава преступления состоит в том, что взятые сами по себе они не характеризуют действие в качестве антиобщественного. Эту характеристику сообщают ему его социальные элементы². Из чего можно с уверенностью заявить о присутствии социального элемента или, как его трактовали Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров, антиобщественность, в каждом преступном деянии, а соответственно, необходимости его оценки при установлении вины и определении ее степени.

Осознание социального элемента при совершении преступления является необходимым для признания вины лица, совершившего действие, запрещенное УК РФ. Помимо этого нельзя не учитывать психологическое отношение лица, совершившего деяния, к восприятию и оценке социального элемента преступления. Данное утверждение можно рассмотреть на примере причинения смерти из чувства сострадания.

Так, К. проживал вдвоем с потерпевшей Ф., у которой имелось онкологическое заболевание с осложнениями, не поддающееся лечению. В течение нескольких месяцев Ф. не могла самостоятельно обслуживать себя, она испытывала сильные боли, из-за чего дважды предпринимала попытки суицида. К. один ухаживал за ней. Потерпевшая высказывалась, что хочет умереть, просила его помочь ей уйти из жизни.

В один из дней К., находясь в состоянии повышенного эмоционального напряжения, возникшего в условиях длительной психотравмирующей ситуации, связанной с неизлечимым заболеванием потерпевшей, из сострадания к последней, имея умысел на причинение смерти Ф., неустановленным предметом сдавил органы шеи потерпевшей, перекрыв дыхательные пути, и удерживал Ф., пока та не перестала подавать признаков жизни, в результате чего наступила смерть³. За данное деяние назначено наказание в виде лишения свободы сроком 4 года. При применении ст. 73 УК РФ назначенное наказание – условное с испытательным сроком 3 года.

¹ Александров Ю.И. Сознание и мозг: варианты системного решения проблемы // Межфакультетский учебный курс МГУ Сознание и мозг: последний рубеж. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k5m2bkWZkHs>.

² Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М., 1972. С. 151-152.

³ Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области по делу № 1-280/12. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/uE0dieqkNYo1/> (дата обращения 19.01.2023).

В другом случае Д. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к Ф., являющейся его матерью, связанных с его нежеланием осуществлять уход за последней ввиду ее болезненного состояния, имея умысел, направленный на причинение смерти матери, причинил телесные повреждения в виде механической асфиксии, в результате чего наступила смерть.

О неизлечимой болезни матери подсудимый узнал от медика скорой помощи, который сделал вывод о том, что состояние Ф. предагональное и она может скоро скончаться. Был выставлен диагноз «цирроз печени», что является онкологическим заболеванием, в связи с этим заболеванием Ф. госпитализации не подлежала. По клинике, внешнему состоянию, температуре, давлению было видно, что у Ф. предсмертное состояние. Как показали свидетели, Д. переживал по поводу заявления медика скорой помощи, который сказал, что матери осталось жить считанные часы¹. Наказание за данное преступление назначено в виде лишения свободы сроком 8 лет.

Подобная ситуация: А., сын подсудимого К., страдал генерализованным туберкулезом. А. постоянно просил отца причинить ему смерть, чтобы мучения закончились. В один из дней в ходе совместного распития спиртных напитков А. снова стал просить К. лишить его жизни, чтобы прекратились его мучения. Тогда у К. в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств и неоднократных просьб сына лишить его жизни возник преступный умысел на умышленное причинение смерти своему сыну А. по мотиву сострадания. После этого К., пожалев своего сына и желая облегчить его страдания, взял из хлебницы на кухонном столе нож и умышленно один раз ударил им своего сына в грудную клетку слева. Потерпевший А. сразу же скончался на месте происшествия². Назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что преступления совершены, если

так можно сказать, с благим намерением. Во всех ситуациях потерпевшим помочь, по вердикту медиков, было уже нельзя и летальный исход был неизбежен. При этом больной испытывал еще и сильные физические и, соответственно, психологические страдания.

Убийство, несомненно, представляет собой высокую общественную опасность. Следует отметить, что в приведенных ситуациях сознанием виновного охватывается прежде всего общественная полезность, выраженная в стремлении помочь больному и избавить его от мучительных страданий. Безусловно, противоправность своих действий во всех приведенных случаях виновные не могли не осознавать. При данных обстоятельствах можно говорить о наличии у виновного субъективной ошибки в общественной опасности совершенных деяниях. И то, что в приговорах указано о том, что виновный осознавал общественную опасность совершенного деяния, может свидетельствовать лишь о формальном подходе по установлению умысла. Стоит заметить, что в одном из приведенных судебных решений было обращено внимание на психотравмирующую ситуацию, в результате которой вполне допустимо искажение психологического отношения к общественной опасности совершенного деяния.

Да, в России эвтаназия запрещена³, но в рассматриваемом контексте и не ставится вопрос о необходимости ее разрешения, хотя это весьма дискуссионная тема. Акцент сделан на осознании виновным общественной опасности совершенного деяния и оценке этого психологического момента правоприменителем в условиях установления вины. Интересным представляется то, что судебные органы неоднозначно подходят к оценке исследуемого обстоятельства, и это в свою очередь выражается в сильном расхождении строгости назначенного наказания.

Стоит предположить, что одной из причин данной ситуации выступает факт от-

¹ Приговор Новошахтинский районный суд Ростовской области по делу № 1-230-2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mr0YtmywszNu/> (дата обращения: 20.01.2023).

² Приговор Кызылский городской суд Республики Тыва по делу № 1-922/11 URL: <http://sudact.ru/regular/doc/69IjSnKLv3rW/> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

сутствия законодательной регламентации субъективной ошибки в уголовном праве.

А в разрезе темы настоящей статьи можно резюмировать, что социальный элемент в рамках преступления выступает не

только в качестве фактического звена, характеризующего деяние как антиобщественное, но и качественного показателя, который способен влиять на степень вины.

Шеслер А.В.,

доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск),
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Шеслер С.С.,

кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ПОДСТРЕКАТЕЛЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что уголовно-правовая оценка действий подстрекателя к преступлению состоит как в дифференциации, так и в индивидуализации наказуемости таких действий. Дифференциация наказуемости действий подстрекателя к преступлению осуществляется через их квалификацию, в процессе которой дается уголовно-правовая оценка подобных действий как действий соучастника преступления в смысле ст. 33 УК РФ, а также как действий исполнителя и соисполнителя преступления. После квалификации действий подстрекателя к преступлению их уголовно-правовая оценка выражается в индивидуализации их наказуемости.

При квалификации действий подстрекателя к преступлению прежде всего необходимо их отличать по правовой сущности от действий других соучастников преступления. Это необходимо делать, во-первых, потому что в судебной практике нередко применяется избыточная квалификация, при которой действия одного лица квалифицируются одновременно как действия организатора и подстрекателя или еще как пособника, т.к. такое лицо одновременно выполняет их функции¹. Полагаем, что квалифи-

кация действий лица как организатора со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ поглощает квалификацию его действий как подстрекателя и пособника, а квалификация действий подстрекателя со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ поглощает квалификацию его действий как пособника. Выполнение подстрекателем к преступлению помимо подстрекательских действий также действий пособника должно учитываться не через дифференциацию, а через индивидуализацию уголовной ответственности и наказания в соответствии ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 67 УК РФ, т.е. через учет характера и степени фактического участия лица в совершении преступления.

Во-вторых, в судебной практике в ряде случаев действия подстрекателя, породившего развитие причинной связи в совместной преступной деятельности при отсутствии реальной фигуры организатора, квалифицируются как организация преступления². Вместе с тем для организатора преступления необходимо, чтобы он своими действиями породил не только развитие причинной связи между общим деянием и единым для соучастников преступным результатом, но и соединил их усилия для совершения преступления. Действия подстре-

¹ Напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2002 по делу № 53-001-79.

² Напр.: Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (1996-2004 гг.). М., 2006. С. 79-80, 117-118.